

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.8

Павел Владимирович ТЕПЛЯШИН,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД России,
(г. Красноярск),
кандидат юридических наук, доцент

pavlushat@mail.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ ФАКТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

PENITENTIARY FACTORS IN THE CONTEXT OF PREVENTION OF REPEAT OFFENDING: FOREIGN EXPERIENCE

Причины постпенитенциарной рецидивной преступности связаны не только с проблемами исправления осужденных, но и с рядом иных факторов, которые обуславливают рецидивоопасность освобожденных лиц. Плуралистический подход зарубежных исследователей к «нетипичным» факторам пенитенциарной действительности показал, что размеры пенитенциарного учреждения и его дизайнерские особенности способны демонстрировать как кризис тюрьмы, так и ликвидность спроса на тюремное заключение.

Анализ современной криминологической научной литературы позволил обнаружить, что проявлением стратегии «новой пенологии» выступает концепция «тюрем быстрого строительства», которая предполагает возведение исправительного учреждения по проекту, максимально отражающему существующие национальные интересы обеспечения внешней и внутренней криминологической, экологической и санитарной безопасности тюремного комплекса, экономической рентабельности и реализации международных пенитенциарных стандартов содержания заключенных.

Делается вывод о том, что в условиях возрастания полиструктурности и мультирежимности отечественных исправительных учреждений при реформировании уголовно-исполнительной системы и в целях оптимизации предупреждения постпенитенциарной преступности необходимо учитывать все пенитенциарные факторы.

Reasons of post-penitentiary recidivism are connected not only with the problems of correction of convicts, but with a number of other factors that determine the risk of recidivism of the persons released.

Pluralistic approach of foreign researchers to «atypical» factors of penitentiary reality revealed that the size of a correctional institution and its design features are able to demonstrate prison crisis and the liquidity of demand for imprisonment as well.

Analyses of modern criminological scientific literature revealed that the concept of «rapid-build prison» is the manifestation of «new penology» strategy. This strategy suggests the building of correctional institution according to the project reflecting as much as possible the existing national interests in providing internal and external criminological, ecological and sanitary security of the prison complex, economic profitability and realization of international penitentiary standards of detention of convicts.

It was concluded that in terms of increasing of polystructural character and multimode system of national correctional institutions in reforming the penal executive system and aiming at optimization of post-penitentiary crime prevention we are to take into account all the penitentiary factors.

Ключевые слова: длительные сроки, реинтеграция, пенитенциарная эстетика, повторная преступность, тюрьма Оуквуд, частное пенитенциарное учреждение, экологическая безопасность.

Keywords: long terms, reintegration, penitentiary aesthetics, recidivism, Oakwood prison, private penitentiary, environmental safety.

Оценка эффективности функционирования учреждений, исполняющих уголовные наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества, в основном базируется на традиционном подходе, предполагающем анализ уровня постпенитенциарного рецидива, который, в свою очередь, находится в достаточно тесной связи с результативностью исправительного воздействия. Однако допустимо презюмировать, что детерминация постпенитенциарной рецидивной преступности сопряжена не только с результатами исправления осужденных, но и с рядом иных факторов, которые способны формировать рецидивоопасность освобожденных лиц.

Исследования зарубежных криминологов и психологов отражают плюралистический подход к обнаружению факторов, которые так или иначе связаны с рецидивной преступностью. Научный интерес вызывают такие «нетипичные» факторы пенитенциарной действительности как, например, размеры пенитенциарного учреждения, его дизайнерские особенности и способность к внутренним архитектурным трансформациям. Обращение к таким аспектам функционирования пенитенциарного комплекса обусловлено многовариантным влиянием факта изоляции на личность осужденного. Как отмечает Ю. Джьюкес, «...нахождение в пенитенциарном учреждении предполагает изоляцию в её физическом и психологическом понимании (иногда одновременно), сенсорную депривацию и перегрузку (также одновременно). Очень серьезными могут быть последствия этих стрессов, которые имеют достаточно долгосрочный характер, а осознание лишения свободы фактически ускоряет процесс старения осужденного, что аналогично хронической или терминальной болезни» [11, р. 320]. Применительно к архитектурным особенностям пенитенциарных учреждений Ю. Джьюкес пишет: «жесткая архитектура» (решетки на окнах, мощные бетонные стены,

полы из твердой поверхности, серые цвета стен, не ломающаяся и неудобная мебель) не только разрушает самооценку заключенного (или пациента), но и влияет на способы, которые используют сотрудники при обращении с людьми, находящимися под их опекой, а также определяют определенные типы своей идентичности и поведения. Действительно, такая обычная пенитенциарная эстетика, как прикрепленная болтами к полу мебель и вандалоустойчивые поверхности, открыто сообщает заключенным, что «вы «животные»» и «вы потенциальные вандалы» ... отсутствие зеленого ландшафта по причинам его высокой стоимости, растений и деревьев, элементов естественной природы – птиц или насекомых создает особую стерильную среду в дизайне тюрьмы Оуквуд, олицетворяет искусственно созданный политический климат финансовой нестабильности и жесткой экономии, результатом чего является тюрьма, которая не наделена терапевтической способностью оздоравливать или исцелять» [11, р. 321, 328]. Однако можно встретить мнение о том, что даже в настоящее время архитекторы пенитенциарных учреждений проявляют определенную дизайнерскую «игривость», которая была свойственной для тюрем викторианской эпохи (например, наличие в тюремной архитектуре «солнечных лучей») [8, р. 613-621].

Внесенные осенью 2015 года изменения в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года были сопряжены с неудавшейся попыткой реформирования отечественной сферы исполнения уголовных наказаний и отказом от первоначального стержневого направления уголовно-исполнительной политики – широкой пенитенциарной «тюрьмизации». Однако крайне важно не недооценивать существующие тенденции пенитенциарной архитектуры, которая традиционно включена в орбиту политики противодействия преступности. Так, ряд специалистов, занимающихся

вопросами влияния тюремной архитектуры, дизайна и технологий на жизнь заключенных и сотрудников пенитенциарных учреждений, отмечают, что история тюремного заключения в англоязычных странах свидетельствует об обнаружении за последние 50 лет негуманных условий содержания, серьезных беспорядков в данных учреждениях, их переполненности, эскалации фактов психических заболеваний и употреблений наркотиков, а также высокого уровня самоубийств и самоповреждений. Все эти проблемы создали чувство безнадежности относительно масштабности и продолжительности кризиса функционирования тюремных учреждений. На этом фоне разработка нового дизайна и архитектуры тюрем по-прежнему остается такой же насущной задачей как для викторианской эпохи – времени институциональной экспансии, так и для современности – времени декларации прав человека [18, р. 419-423]. И хотя самые различные архитектурные и пространственные эксперименты были апробированы в пенитенциарной сфере, в том числе в стиле кампуса, дизайна «нового поколения» или «третьего поколения» [7, р. 228-235], они были достаточно быстро оставлены без внимания в пользу возвращения в архитектурной идее паноптикума, современная суть которой сводится к поэтажному расположению ответвлённых блоков с радиально размещенными вокруг центральной точки наблюдения камерами. Одно из различий между архитектурными установками, принятыми сегодня и существующими в середине 1800-х годов, по мнению Д. Морана и Ю. Джьюкеси, это то, что они увеличились до «супер-размерных» пропорций для удовлетворения растущего спроса на тюремное заключение как доминирующую форму реагирования на преступность [12, р. 456-461]. Как представляется, указанный «спрос» вызван не столько до сих пор достаточно высоким уровнем тюремного населения, сколько возрастанием стандарта площадей, необходимых для содержания одного заключенного, повышением требований к уровню безопасности пенитенциарных учреждений, появлением острых конкурирующих вопросов национального и местного уровней.

Задачи гармоничного сочетания вопросов обеспечения безопасности функционирования пенитенциарных учреждений и соблюдения достаточно высоких стандартов обращения с осужденными обуславливают решение весьма сложных задач в сфере исполнения уголовных наказаний – от морально-этических и сугубо правовых до санитарно-бытовых и архитектурных. Значительную актуальность приобрела уже нашедшая практическое воплощение (например, функционирование под управлением Службы исправительных учреждений Нового Южного Уэльса (Австралия) двух тюрем – Macquarie and Hunter Correctional Centres) концепция «тюрем быстрого строительства» («rapid-build prison»), которая предполагает возведение пенитенциарного учреждения по проекту, максимально отражающему существующие национальные интересы обеспечения внешней и внутренней криминологической, экологической и санитарной безопасности тюремного комплекса, экономической рентабельности и реализации международных пенитенциарных стандартов содержания заключенных. При этом основной концепт проекта заключается в способности его гибкой трансформации и дальнейшего развития с учетом меняющихся условий функционирования и требований к решению правоохранительных задач, стоящих перед государством и обществом [21, р. 293-304]. Пенитенциарные учреждения, возведенные в соответствии с рассматриваемой концепцией, в определенной мере выступают физическим проявлением стратегии «новой пенологии». Думается, что в условиях перманентного реформирования отечественной уголовно-исполнительной системы, которая связана с постепенным возрастанием полиструктурности и мультирежимности исправительных учреждений, а также необходимости реализации «разборчивого» подхода к любым организационно-правовым преобразованиям и инженерным нововведениям в пенитенциарной системе данный опыт реализации концепции «тюрем быстрого строительства» представляет значительный интерес.

Вместе с тем в целях объективной криминологической оценки концепции «тюрем быстрого строительства» нельзя не заметить её не-

достаток, проявляющийся в одновременной приватизации тюрем. При первом рассмотрении этого «симбиоза» идея приватизации в пенитенциарной сфере логично вписалась в реализацию задачи экономической рентабельности рассматриваемого проекта. Вместе с тем опыт государственно-частного партнерства в сфере исполнения уголовных наказаний показал конкретные проявления дисбаланса между концепцией «тюрем быстрого строительства» и практическим воплощением идеи тюремной приватизации. Так, построенная в 2012 году в соответствии с концепцией «тюрем быстрого строительства» крупнейшая английская частная тюрьма Оуквуд (HMP Oakwood¹), управляемая компанией G4S², по результатам проверки в июле 2013 года получила существенные упреки со стороны главного инспектора британских тюрем Ника Хардвика (Nick Hardwick), который обнаружил достаточно распространенные факты насилия между осужденными и весьма жесткие силовые методы усмирения заключенных, применяемые персоналом. Пенитенциарное учреждение было признано самым «наркотически зависимым» заведением, в котором «наркотики достать легче, чем кусок мыла, чтобы помыться в душе». В своем докладе главный инспектор отмечает, что каждый пятый осужденных употребляет наркотики, каждый седьмой стал наркозависимым именно в этой тюрьме. Причем незаконное поступление достаточно широкого перечня наркотиков осуществляется как с помощью сотрудников медицинской службы учреждения, так и по иным каналам³. Однако, например, какие-либо сведения о всемерной проработке отмеченных недостатков при запуске в эксплуатацию одной из самых крупных в Европе (уступает только тюрьме Fleury-Mérogis в Париже с нормативной наполняемостью в 3800 заключенных) мужской тюрьме категории С Бервин (HMP Berwyn) в Северном Уэльсе отсутствуют. На этом основании тюремная система Англии и Уэльса достаточно часто выступает объектом научных

исследований относительно инъекционно-го потребления наркотиков заключенными, выявляемых корреляционных связей между масштабами используемых данными лицами в гедонических целях в немедицинских условиях и степенью распространенности вируса гепатита С [19] и других заболеваний [4, р. 97-106] среди лиц, отбывающих тюремное заключение.

Здесь нельзя не привести импонирующую нам концепцию коммодификации «частных карцеральных учреждений» американских криминологов Д. Дагана и С.М. Телеса, которые обосновали идею о том, что именно население формирует общие тренды в области уголовного правосудия. Соответственно, государство может разжигать общественное беспокойство о состоянии борьбы с преступностью и тем самым получать достаточную поддержку от населения в необходимости построения политики жесткого противодействия преступности [5]. В унисон указанной теории П.К. Еннс и М.Д. Рамирез пишут: «Современные движения за реформу уголовного правосудия были ограничены, поскольку они не могли переместить значительный уровень общественной поддержки в пользу менее карательных альтернатив» [6, р. 549]. С учетом этого фактора допустимо предположить, что государственно-частное партнерство в тюремной сфере порождает феномен социально-правового оксюморона: удельное возрастание общественного фактора в различных сегментах функционирования пенитенциарных учреждений не только предполагает усиление состояния защищенности прав человека и либерализацию условий содержания осужденных, но и достаточно информативную передачу настроений среди населения на процессы исправительно-профилактического воздействия, а также коммодификацию карцеральных институтов (приобретение ими свойств потребительского товара), что обуславливает нестабильность результативности предупреждения рецидивной преступности.

1 HMP Oakwood. URL: <http://hmpoakwood.co.uk/>.

2 G4S United Kingdom. Custodial and detention services. URL: <http://www.g4s.uk.com/en-GB/What%20we%20do/Services/Care%20and%20justice%20services/Custodial%20Services/>.

3 Disorder at G4S-run HMP Oakwood lasted twice as long as thought. URL: <https://www.theguardian.com/business/2014/jan/06/prison-disorder-hmp-oakwood-g4s/>.

Д. Алонсо и Р. Эндрюс отмечают, что управляемые частными операторами английские пенитенциарные учреждения обладают преимуществами перед государственными применительно к условиям содержания заключенных, тогда как последние характеризуются более высоким состоянием дисциплины и обеспечением безопасности осужденных. Такой вывод основывался на специально разработанной методике комплексного учета различных факторов (в частности, размера тюремных зданий и помещений, особенностей правового статуса и криминальной активности контингента заключенных, степени и интенсивности наполняемости тюрем, скриптов системы тюремного управления) и задач пенитенциарного учреждения (например, гуманитарная направленность обращения с осужденными, меры по их реабилитации, коэффициент попыток побегов и насильственных инцидентов) [1, р. 239-248]. Однако Б. Бакхардт и А. Джонс указывают, что уровень судебной реакции на различные нарушения прав заключенных находится в достаточно слабой взаимосвязи с результатами тюремной приватизации. По мнению авторов, в настоящее время частные операторы обладают реальными шансами на должную организацию функционирования пенитенциарных учреждений и количественно-качественное снижение вышеуказанных судебных притязаний [3, р. 39, 50]. При этом модернизация структуры английских пенитенциарных учреждений является частью стратегии Национальной службы Англии и Уэльса по работе с осужденными (NOMS). Инспекция тюрем Её Величества начиная с 2009 года и Национальная аудиторская служба с 2013 года оказывают поддержку функционированию и прогрессивному развитию небольших тюрем.

Исследуя криминологический эффект появления новых «суперразмерных» тюрем на Британских островах, В. Хеннебел, Р. Симпер, М. Вершельд, на основе реализации методики тюремной рейтинговой системы Национальной службы Англии и Уэльса по работе с осужденными (NOMS Prison Rating System) пришли к выводу о том, что «трудно конкретизировать влияние отдельных тюрем на уровень преступности. Более того, показа-

тели преступности связаны со многими внешними аспектами функционирования тюрьмы, такими как социально-экономические и демографические особенности местных районов и целого региона, функционирование полицейских и иных правоохранительных подразделений и т.д. Данный практически значимый вывод базируется на учете ключевых маркеров (областей) работы тюрем, согласованных с Министерством юстиции: 1) общественная оценка; 2) благоустроенность; 3) уровень повторных правонарушений [в период отбывания тюремного заключения] и 4) качество управления ресурсами и операционная эффективность. Тюремная рейтинговая система NOMS создает сводный индекс эффективности пенитенциарных учреждений, основанный на наложении априорно выбранных весов на количественную и качественную информацию, относящуюся к ключевым областям деятельности тюрем» [9, р. 310]. Причем именно качество управления ресурсами является прямым индикатором успешной реинтеграции освобождаемых в общество, что, в свою очередь, снижает рецидивную преступность. Успешная реинтеграция связана с трудовой занятостью осужденных. Однако в «суперразмерных» тюрьмах только около 44% заключенных работают на день освобождения. Тогда как именно в местных (как правило, более старых и небольшой наполняемости) пенитенциарных учреждениях более высокий коэффициент трудоустроенности заключенных, а постпенитенциарная адаптация освобождаемых из них носит более успешный характер, поскольку реинтеграция также сильно зависит от социально-экономических условий, в которые бывшие осужденные реинтегрируются. На основе данных Обзора рабочей силы (LFS), предоставляющего официальные показатели безработицы в Великобритании, в регионах, на территории которых расположены местные тюрьмы, намного меньше уровень безработицы среди мужчин. Это, как отмечают вышеуказанные авторы, создает благоприятные ориентиры для успешной реинтеграции, поскольку связана с конструктивными возможностями трудоустройства освобожденных заключенных. Более того, давность постройки пенитенци-

арного учреждения со всеми вытекающими из этого особенностями его функционирования не оказывает значительного влияния на постпенитенциарный рецидив, поскольку существенно сглаживается последующим влиянием региональной неоднородности окружающей среды в период реинтеграции (ресоциализации). Следовательно, вместимость и размеры тюремного комплекса также не находятся в прямой зависимости с уровнем повторной преступностью [9, р. 312-314].

В унисон с вышерассмотренным фактором может быть рассмотрена продолжительность содержания в местах лишения свободы. Снижение продолжительности назначенного по приговору суда срока наказания в основном сопряжено с задачами снижения уровня «тюремного населения» и, как результат, более качественной реализацией процесса исправительного воздействия и обращения с осужденными. Это оказывает положительный эффект на снижение постпенитенциарного рецидива, поскольку способствует более прогрессивному развитию адаптационных свойств личности осужденного [13], повышает её антикриминогенный потенциал и реализует принцип «усиления личной ответственности» [17, р. 151-152], а также позволяет перенаправить финансовые ресурсы из тюремной сферы на решение задач последующей успешной реинтеграции освобожденных [10, р. 7-16]. В настоящее время условное и зачастую безусловное снижение изначально назначенного срока тюремного заключения отражает идею «индивидуального предупреждения» и выступает приемлемым компромиссом между теорией «некарательного воздействия» и концепцией «удерживающего воздействия». Так, У. Родос, Д.Г. Гаес, Р. Клинг, К. Катлер, реализуя методы «конструкции разрыва регрессии» (RDD) и «инструментальных переменных» (IV) в определении причинной связи между временем тюремного заключения и рецидивом, пришли к выводу, что «средняя продолжительность пребывания в условиях тюремного заключения может быть уменьшена на 7,5 месяцев с незначительным влиянием на последующий рецидив... эффект продолжительности пребывания не зависит от крими-

нальной истории, серьезности преступления, пола, расы и образования осужденного» [20, р. 731, 760]. Ряд других исследователей обнаружили, что постпенитенциарный рецидив имеет тесную связь с продолжительностью пребывания в местах лишения свободы: краткие сроки (до 1 года тюремного заключения) вызывают повышенный рецидив; от 1 года до 2 лет – уже начинают его снижать; дальнейшие сроки уже не имеют влияния на характер постпенитенциарного рецидива; связь рецидива с длительными сроками (более 6 лет) не может быть установлена из-за значительных стандартных ошибок такой оценки (в силу так называемой «погрешности пенитенциарной рандомизации») [15; 16].

Данные исследования представляют, безусловно, огромный интерес для выяснения результативности отечественной сферы исполнения уголовных наказаний. Так, одной из целей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года выступает сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. Думается, что для достижения такой сложной, практически и методологически неоднозначной цели требуется не просто «технический» анализ соответствующих статистических данных, но и выявление корреляционных связей между различными факторами пенитенциарной действительности, включая продолжительность сроков отбывания наказания, и уровнем повторной преступности.

Особый интерес вызывает роль «экологического» фактора в криминологической оценке функционирования исправительных учреждений. Ведь в настоящее время одним из векторов реформирования сферы исполнения уголовных наказаний выступает обеспечение экологической безопасности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Так, обращает на себя внимание проект «Тюремная экология» Центра защиты прав человека, направленный на демонстрацию систематической экологической деградации так называемых «токсичных тюрем» и коррелирующее этому распространение нарушений прав заключенных в Соединенных Штатах

Америки¹. Агентство по охране окружающей среды (Environmental Protection Agency's Region²) провело еще в 1999 и 2003 годах расследование в отношении экологических рисков в тюрьмах, расположенных в штатах Средней Атлантики, и обнаружило нарушения, включая загрязнение воздуха и воды, наличие в производстве пенитенциарных учреждений опасных токсичных отходов. В докладе 2007 года от ежемесячного американского журнала «Юридические тюремные новости» (PLN) приведены примеры о регенерации во многих тюрьмах сточных вод, угрожающих отравлением сальмонеллой и гепатитом А, фактов высокого уровня токсического аммиака, фекальных колиформ и паразитов, загрязнения питьевой воды нитратами из близлежащих удобренных сельскохозяйственных полей, содержания в системах водоснабжения небезопасного уровня мышьяка³. Данными проблемами также занимается Юридический аболиционистский центр⁴, Коалиция по правам человека⁵, Кампания по борьбе с токсичными тюрьмами (FTP)⁶. Как отмечает Э.А. Брэдшоу, «несмотря на рост криминологических и иных исследований «зеленых», проблемы, возникающие в тюрьмах, в значительной степени остаются незамеченными широкой общественностью и криминалистами. Однако озадачивает, что ученые, которые занимаются криминологическими аспектами экологического вреда, не уделяют должного внимания проблеме токсичных тюрем. Крайне важно, чтобы «зеленые» криминологи совместно с тюремными управлениями и природоохранными организациями приступили к исследованию экологического ущерба в местах массового лишения свободы...» [2, р. 408]. М. Линч и П. Стретески утверждают, что «криминология игнорирует меняющийся характер окружающего нас мира и стала все

менее и менее актуальна для решения проблем окружающей среды. Настало время криминологам проснуться» [14, р. 176]. Также П. Цолкас пишет: «пришло время для движения по защите окружающей среды найти свою нишу в борьбе с такими тюрьмами, но не только путем простой поддержки заключенных, а посредством эффективной перестройки тюремной системы – центрального элемента, ответственного за поддержание существования полицейского государства и капиталистической экономики, которым она служит» [22]. Большинство исследователей обозначенной проблемы поддерживают Д. Вашингтона, обосновывающего полную ликвидацию либо частичную реорганизацию «токсичных» тюрем с целью не только защиты экологических прав заключенных, но и для снижения социальной напряженности, вызванной высокой заболеваемостью лиц, освобождающихся из тюремного заключения, и повышения антикриминогенного потенциала общества, за счет минимизации экологической деградации в целом населения и эффективной защиты их гражданских прав на «экологическую справедливость» [23].

Таким образом, выявление отдельных факторов пенитенциарной действительности в контексте профилактики рецидивной преступности показывает, что соответствующий зарубежный опыт имеет не только сугубо информационное, но и перспективное значение для оптимизации предупреждения постпенитенциарной преступности и функционирования отечественной системы исполнения уголовных наказаний. Данный опыт может быть использован в процессе разработки Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (2021-2030 гг.).

1 Human Rights Defense Center. URL: <https://www.humanrightsdefensecenter.org>.

2 United States Environmental Protection Agency. URL: <https://www.epa.gov>.

3 Prison Legal News. Prison Drinking Water and Wastewater Pollution Threaten Environmental Safety Nationwide. URL: <https://www.prisonlegalnews.org/news/2007/nov/15/prison-drinking-water-and-wastewater-pollution-threaten-environmental-safety-nationwide/>.

4 Abolitionist Law Center. URL: <http://abolitionistlawcenter.org>.

5 Human Rights Coalition. URL: <https://www.aaas.org>.

6 Campaign to Fight Toxic Prisons. URL: <https://fighttoxicprisons.wordpress.com>.

Библиографический список

1. Alonso J.M. How Privatization Affects Public Service Quality: An Empirical Analysis of Prisons in England and Wales, 1998-2012 / J.M. Alonso, R. Andrews // *International Public Management Journal*. – 2015. – V. 19. I. 2. – P. 235-263.
2. Bradshaw E.A. Tombstone Towns and Toxic Prisons: Prison Ecology and the Necessity of an Antiprison Environmental Movement / E.A. Bradshaw // *Critical Criminology*. – 2018. – V. 26. I. 3. – P. 407-422.
3. Burkhardt B.C. Judicial Intervention into Prisons: Comparing Private and Public Prisons from 1990 to 2005 / B.C. Burkhardt, A. Jones // *Justice System Journal*. – 2016. – V. 37. – № 1. – P. 43-51.
4. Croft M. Prevalence of chronic non-cancer pain in a UK prison environment / M. Croft, R. Mayhew // *British Journal of Pain*. – 2015. – V. 9. I. 2. – P. 96-108.
5. Dagan D. The social construction of policy feedback: Incarceration, conservatism, and ideological change / D. Dagan, S.M. Teles // *Studies in American Political Development*. – 2015. V. 29. I. 2. – P. 127-153.
6. Enns P.K. Privatizing punishment: testing theories of public support for private prison and immigration detention facilities / P.K. Enns, M.D. Ramirez // *Criminology*. – 2018. – V. 56. – № 3. – P. 546-573.
7. Grant E. Designs on punishment: Evolving models of spatial confinement in Australia and the USA / E. Grant, Y. Jewkes // *The Prison Journal*. – 2015. – V. 95. I. 2. – P. 223-243.
8. Hancock P. Penal aesthetics and the pains of imprisonment / P. Hancock, Y. Jewkes // *Punishment and Society*. – 2012. – V. 13. I. 5. – P. 611-629.
9. Hennebel V. Is there a prison size dilemma? An empirical analysis of output-specific economies of scale / V. Hennebel, R. Simper, M. Verschelde // *European Journal of Operational Research*. – 2017. – V. 262. I. 1. – P. 306-321.
10. Henrichson C. A Guide to Calculating Justice-System Marginal Costs / C. Henrichson, S. Galgano. – New York: Vera Institute of Justice, 2013. – 28 p.
11. Jewkes Y. Just design: Healthy prisons and the architecture of hope / Y. Jewkes // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. – 2018. – V. 51. I. 3. – P. 319-338.
12. Jewkes Y. The paradox of the «green» prison: Sustaining the environment or sustaining the penal complex? / Y. Jewkes, D. Moran // *Theoretical Criminology*. – 2015. – V. 19. I. 4. – P. 451-469.
13. Loeffler C.E. Does imprisonment alter the life course? Evidence on crime and employment from a natural experiment / C.E. Loeffler // *Criminology*. – 2013. – V. 51.1. – P. 137-166.
14. Lynch M. Exploring green criminology: Toward a green criminological revolution / M. Lynch, P. Stretesky. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. – 225 p.
15. Mears D.P. Progressively Tougher Sanctioning and Recidivism: Assessing the Effects of Different Types of Sanctions / D.P. Mears, J.C. Cochran // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. – 2018. – V. 55. I. 2. – P. 194-241.
16. Mears D.P. Incarceration heterogeneity and its implications for assessing the effectiveness of imprisonment on recidivism / D.P. Mears, J.C. Cochran, F.T. Cullen // *Criminal Justice Policy Review*. – 2014. – V. 26. I. 7. – P. 691-712.
17. Meijer S. Rehabilitation as a Positive Obligation / S. Meijer // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. – 2017. – V. 25. I. 2. – P. 145-162.
18. Moran D. Becoming Big Things: Building events and the architectural geographies of incarceration in England and Wales / D. Moran, J. Turner, Y. Jewkes // *Transactions of the Institute of British Geographers*. – 2016. – V. 41. I. 4. – P. 416-428.
19. Palmateer N.E. Review and meta-analysis of the association between self-reported sharing of needles/syringes and hepatitis C virus prevalence and incidence among people who inject drugs in

Europe / N.E. Palmateer, S.J. Hutchinson, H. Innes, C. Schnier, O. Wu, D.J. Goldberg, M. Hickman // *International Journal of Drug Policy*. – 2013. – V. 24. I. 2. – P. 85-100.

20. Rhodes W. Relationship Between Prison Length of Stay and Recidivism: A Study Using Regression Discontinuity and Instrumental Variables With Multiple Break Points / W. Rhodes, G.G. Gaes, R. Kling, C. Cutler // *Criminology & Public Policy*. – 2018. – V. 17. I. 3. – P. 731-769.

21. The visual retreat of the prison: Non-places for non-people: The Routledge handbook of visual criminology / by Y. Jewkes, E. Slee, D. Moran / eds. M. Brown & E. Carrabine. – Abingdon: Routledge, 2017. – 578 p.

22. Tsoikas P. Ecology of a prison nation / P. Tsoikas // *Earth First! Journal*. – 2015. – V. 35. I. 2. – P. 5-8.

23. Washington J. When Prisons Are Toxic to Both Humanity and the Environment / J. Washington. – URL: <https://inthesetimes.com/article/19264/coal-and-unusual-punishment>.